

СОВЕТСКОЕ. ПРОБЛЕМА ЦЕЛОСТНОГО РАССМОТРЕНИЯ

С.А. Никольский
Институт философии РАН

Аннотация: *Феномен «советское» – уникальный в истории многоаспектный, обладающий огромным содержанием, соотносимым с категориями «общество», «государство», «власть», «человек», «культура» – требует не только рассмотрения в его составных частях, но и в целостности. В этом отношении он рассматривается как понятие и явление, созданное на основе большевистской (ленинской), в отличие от меньшевистской (плехановской) интерпретации марксизма для условий России начала XX столетия. Его смысл заключался в попытке разработать для страны путь развития, исключая её капиталистический этап, а представляющий попытку ускоренного транзита из феодализма и раннего капитализма в коммунизм. В революционной практике большевиков это выразилось в разработке и осуществлении политики «военного коммунизма». Однако феномен советского не был бы возможен без определённого, сформированного историей состояния и качества российского общества и человека, в том числе, без сформированной у них привычки покорности как естественной защитной реакции против господствующей в стране в течение пяти столетий самодержавной власти, выработавшей инструменты для своего господства.*

Вместе с тем, советское несло в себе и позитивное содержание, берущее начало в раннем марксизме и нашедшее возможности своей реализации в «новом» человеке, сформированном большевиками на руинах уничтоженного старого общества, в той или иной мере причастного к частной собственности. Лишенный исторической памяти, обладающий сконструированным советским сознанием «новый» человек, был основной силой, получившей блага нового строя, одолевший фашизм и сохранявший веру в советский способ бытия до полного его краха, что для него самого было разочарованием в так и не сбывшихся надеждах.

Ключевые слова: *советское, общество, государство, человек, культура, история, философия, политика, история, литература.*

Часть 1

Намерение автора, исследующего сложное явление, – адекватно понять и корректно поделиться понятым тем более трудно осуществить, чем более объёмное явление анализирует-

ся. Дополнительная трудность – его, явления, понимание некоторыми читателями, бывшими его современниками: они, как им кажется, обладают ясными – воображаемыми, а иногда и имеющими реальную подоплёку, основанными на личном опыте, суждениями об исследуемом. И, наконец, высшая точка сложности определяется тем, насколько уверенные в истинности своего знания читатели сопрягают со своим знанием наблюдаемое негативное в настоящем и воображаемое желаемое в будущем.

Все ступени сложности делаются практически непреодолимыми, если учесть, что зрелые люди, за редким исключением, не склонны менять свои представления, не готовы вести диалог или пополнять свои знания, полагая, что тем самым принижают себя, открывая сознание чужому авторитету. Поэтому моё размышление для людей открытых, рефлектирующих и, скорее всего, к единомышленникам с надеждой, что мне удалось представить феномен в целостном, непротиворечивом виде, от его истоков до печального финала. Впрочем, если, паче чаяния, к ним присоединится кто-либо, прежде предложенные суждения не разделявший, но теперь с ними согласившийся, то посчитаю это неожиданной удачей.

Все сказанное относится к феномену «советское».

* * *

Советское в истории *уникально*. Не в глобальном замысле «светлого будущего». Таковых было немало. Советское уникально как тщательно разрабатываемая, упорная, продолжавшаяся без малого семьдесят лет и все ещё живая идея и социальная практика, осуществляемая в соответствии с ленинско-сталинской теорией, подвергнувшаяся последующей коррекции. «Советское» – попытка коренного переустройства общества и сотворения нового человека, новых народных масс.

Применённая в огромной стране с добровольно-принудительным участием населения, которое на пике развития составляло порядка двухсот девяноста миллионов, советское не могло укорениться лишь посредством одной теории К. Маркса и Ф. Энгельса, адаптированной к российской реальности русскими марксистами. *В чем заключалась адаптация и к чему она привела* – первый важный вопрос. Для укоренения советскому – и это ещё одна исходная идея – *нужен был человек определённой социальной природы, подходящая историческая почва, глубинная традиция*, которая сделала его органичным для усвоения и воспроизводства советского. И, наконец, важнейшим условием вхождения советского в бытие была *готовность части общества переформатировать своё сознание*, кровно (в переносном и в прямом смысле) связать с ним своё настоящее и будущее. *Фанатичная вера идее и вождям, дополненная буйной фантазией и помноженная на веками сформированную покорность, а если требуется, то и самоотверженность – такова природа идеального советского человека – эталона эпохи.*

Советскому были нужны вожди – талантливые теоретики и организационные гении. Таковыми стали В. Ленин и Л. Троцкий, а затем, во втором качестве, их сподвижник и последователь И. Сталин. После них номинальные «отцы» советского – фигуры довольно заурядные, бывшие посредственными организаторами и никудышними теоретиками, усердно себя вождями лишь изображавшие. В статусе вождей их номинировала армия государственных функционеров и политическая полиция. Состояла она из далеко не всегда идейных, но всегда проплаченных много выше «заработка квалифицированного рабочего», чего в замысле решительно не допускал Ленин, которая и была реальным проводником и охранителем коммунистической идеи на большевистский лад.

Российские исторические персоны и их многомиллионное служилое войско вели за собой народные массы, следовавшие добровольно-принудительно, в одно и то же время творя зло, выдаваемое за добро, умело перемешивая показную справедливость и несправедливость реальную, общие и личные блага и бедствия. Как был возможен и что собой представлял

этот причудливый симбиоз, живший в правителях и материализовавший себя в идеях и в действиях в массах? По каким правилам он существовал?

Споры о советском в его достижениях и провалах, в радостях и в ужасах, в благих делах и причудах все ещё не утихли и, по-видимому, не утихнут ещё продолжительное время. В том числе и прежде всего потому, что его возникновение, развитие и укоренение в обществе до сих пор не только не изжито, но и осмыслено лишь отчасти.

В недавно опубликованном труде Л.Д. Гудкова «Возвратный тоталитаризм», представляющем собой собрание статей, написанных с 2009 по 2019 годы на основе материала социологических исследований, которые ведёт Левада-Центр¹, постоянным рефреном звучит упрёк российским социологам, гуманитариям и обществу в том, что они слабо интересуются реальными процессами общественного развития. Автор констатирует: «Поскольку самостоятельно разобраться в том, что произошло за годы советской власти и кто должен нести ответственность за преступную политику государства ... российское общественное мнение оказалось не в состоянии, страна предпочла эти вопросы не трогать» [Гудков 2022: 272]. Ответственность за происшедшее – одна из типичных точек зрения – возлагается на государство. Не думаю, что «виновно» только оно одно. Советское также производил народ, а приспособившись, жило в нем все общество, не задумываясь именовавшее себя советским.

Отмеченное социологом пагубное нелюбопытство – для России не новость. Ещё столетие назад И.А. Бунин замечал: «... Тысячу раз прав был Герцен: «Мы глубоко распались с существующим... Мы блажим, не хотим знать действительности, мы постоянно раздражаем себя мечтами... Мы терпим наказание людей, выходящих из современности страны... Беда наша в расторжении жизни теоретической и практической» [Бунин 1991: 55]. И, как продолжение диагноза болезни и следующего из неё заблуждения коммунистической иллюзией, из ещё большей исторической глубины звучит голос Ф.М. Достоевского: «Русские более всего боятся истины, всегда стараясь заменить её фантазией и русские всегда стыдятся самих себя и потому стараются казаться другими. Не поэтому-то так легко принята фантазия про коммунизм и новый лик – граждан мира и людей будущего?» [Достоевский 1975: 105–106].

Сказать, что советское было и отчасти все ещё естественно для страны, значит сказать правду, хотя это вовсе «не легко и приятно», как говорит известный булгаковский персонаж. Сказать, что страна пыталась и все ещё пытается советское изжить, тоже правда, равно как и то, что, к сожалению, в основном эти попытки поверхностны и неудачны. И, как всегда, в истории: «Где чистая духовность нагорной проповеди, там и грязная суeta рынка. Где Иисус, там Иуда; где Экхарт и Бах, там Гитлер и Гиммлер. Где Мышкин, там Смердяков» [Померанц 1984: 50]. Повторюсь: феномену советского присущи взаимоисключающие начала. И учитывая не только сложность, но и огромный, загоризонтный масштаб явления, подзаголовком исследования я выбрал «*пролегомены к будущему исследованию*» – всеобъемлющему, которое, надеюсь когда-то для нужды общества выполнит большой исследовательский коллектив Института изучения советского.

Тем не менее, сознавая ограниченность средств, все же попробую предварительную исследовательскую работу выполнить. И в первую очередь обозначу те средства, к помощи которых буду обращаться. Во-первых, для раскрытия истоков феномена будет обозначена необходимость анализа его теоретических марксистско-ленинско-сталинских предпосылок. По необходимости она будет ограниченной и только авторитет моего имени (для кого он значим) я могу предложить в обеспечение того, что она не противоречит реальному положению дел. Во-вторых, постараюсь представить наметки исторического философско-антропологического анализа общественной почвы вообще, и природы российского человека, в частности, в тех их составных частях, которые наиболее значимы для феномена советского.

¹ Внесён Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

* * *

Термин «советское», вынесенный в название, требует пояснения, поскольку употреблён в качестве прилагательного. Обычно оно присоединяется к понятиям «государство», «народ», «общество», «человек», «культура» и своим содержанием делает каждое из понятий особым, отличающимся от других, как, например, «капиталистическое общество» отличается от «общества феодального», а «общество традиционное» от «общества модерна». Но прилагательное «советское» – особое, обладающее собственным большим содержанием. Именно оно во всех случаях выступает инвариантным, но, одновременно, в силу своего богатого содержания, задающим специфику каждому из существительных.

Предмет предполагает методы его анализа. Таковыми будут главным образом философско-антропологический, философско-исторический (философия истории), исторический и философско-художественный [Никольский 2020]. Совокупность и взаимная дополнительность рациональных суждений и основанных на чувствах переживаний, продуцируемых литературой, которые обращены к прошлому, к реальному настоящему, а также к воображаемому будущему, в конечном счёте может помочь приблизиться к пониманию феномена советского, к обнаружению в его темпоральности теоретической и реальной целостности. Поэтому исследование должно содержать не только собственно философские размышления, но адресоваться к историософским концептам и историческим сведениям, а также к художественно-философским литературным произведениям, прямо посвящённых или имеющим отношение к феномену советского.

Всякий способ обращения реализуется с разной степенью погружения в проблематику. В силу огромного пространственного и глубинного масштаба явления моё обращение не может быть строго научным, хотя на научность ориентировано. Для пояснения этой мысли приведу пример, на мой взгляд, ненаучного и неверного, но в силу авторитета автора принимаемого за истину суждения А.А. Зиновьева. Выступая 27–29 мая 2003 года в Институте философии РАН с докладом «Сталин. Сталинская эпоха. Сталинизм», он высказал следующее: «Идея колхозов не есть идея марксистская. Она вообще не имеет ничего общего с классическим марксизмом. Она не была привнесена в жизнь из теории. Она родилась в самой практической жизни реального, а не воображаемого коммунизма. Идеологию лишь использовали как средство оправдания своего исторического творчества. Коллективизация была не злым умыслом, а трагической неизбежностью. Процесс бегства людей в города всё равно нельзя было остановить. Коллективизация ускорила его. Без неё этот процесс стал бы, может быть, ещё болезненнее, растянувшись на несколько поколений. Дело обстоит вовсе не так, будто высшее советское руководство имело возможность выбора пути. Для России в исторически сложившихся условиях был один выбор: выжить или погибнуть. А в отношении путей выживания выбора никакого не было. Сталин явился не изобретателем русской трагедии, а лишь её выразителем. Колхозы были злом, но далеко не абсолютным. Без них в тех реальных условиях была невозможна индустриализация, а без последней нашу страну разгромили бы уже в тридцатые годы, если не раньше. Но и сами по себе колхозы имели не только недостатки. Один из соблазнов и одно из достижений реального коммунизма состоит в том, что он освобождает людей от тревог и ответственности, связанных с собственностью. Хотя и в негативной форме колхозы сыграли эту роль для десятков миллионов людей. Молодые люди получили возможность становиться трактористами, механиками, учётчиками, бригадирами. Вне колхозов появились «интеллигентные» должности в клубах, медицинских пунктах, школах, машинно-тракторных станциях. Совместная работа многих людей становилась общественной жизнью, приносившей развлечение самим фактом совместности. Собрания, совещания, беседы, пропагандистские лекции и прочие явления новой жизни, связанные с колхозами и сопровождавшие их, делали жизнь людей интересней, чем раньше. На том уровне культуры, на каком находилась масса населения, всё это играло роль огромную, несмотря на убогость и формальность этих мероприятий» [Коллективизация в СССР... 2022].

Итак:

1. О том, что колхозы (коллективные хозяйства) не имели ничего общего с марксизмом. Это не верно. Маркс и Энгельс неоднократно говорили о характерных для будущего коммунистического сельского хозяйства крупных общественных коллективных производств. И именно колхозы, совхозы и коммуны уже в период «военного коммунизма» большевики пытались насаждать в бывших помещичьих имениях. Сталин эту практику лишь повторил.

2. Зиновьев утверждает, что большевики якобы лишь оправдывали идеологией практическое творчество, что практические действия упреждали идеологию или вовсе обходились без неё. На самом деле, все было наоборот: практические действия большевики совершали на основе и в соответствии с интерпретированной для России идеологией марксизма.

3. Коллективизация, подчёркивает Зиновьев, была единственным способом для страны выжить, иного пути не было, без неё страна бы погибла. Автор не даёт себе труда ознакомиться с альтернативным путём развития России, который обосновывали видные экономисты, разбиравшиеся в существе дела никак не менее Сталина или его чиновников, которых, к тому же поддерживала и известная часть политиков, Н. Бухарин, в том числе. Зиновьев не ставит вопроса хотя бы об экономической цене уничтожения семи миллионов – порядка 15–20 процентов занятых в аграрном производстве лучших работников, не знает или делает вид, что не знает о провале экономических заданий первой (1928–1932 гг.) пятилетки. Вопрос о духовных общественных последствиях гигантской общественной травмы от события «экономический рывок ценой миллионов жизней» им вовсе игнорируется.

4. Освобождение людей от собственности и связанной с ней ответственности Зиновьев называет одним из достижений реального коммунизма. Очевидно, марксисту Зиновьеву следовало бы перечитать хотя бы ту главу «Манифеста коммунистической партии», в которой его авторы называют трудовую собственность (в отличии от собственности как основы эксплуатации) фундаментом всякой самодеятельности, прав и личной свободы индивида. Очевидно, собственность для Зиновьева, как и для Сталина, – абсолютное зло.

5. Далее следует ещё один расхожий «оправдательный» тезис о том, что без коллективизации была бы невозможна индустриализация и нашу страну разгромили внешние враги уже в 30-е годы, если не раньше. Обратимся к фактам. Уже на исходе гражданской войны в 1920–1921 гг. торговые соглашения с Россией подписали Англия, Германия, Эстония, Латвия, Литва, Норвегия, Дания, Чехословакия, Австрия, Италия, Польша, Финляндия, Иран, Турция, Афганистан. В 1923–1924 гг. последовало и дипломатическое признание со стороны Англии, Германии, Франции, Италии, Финляндии, Польши, Австрии, Швеции, Норвегии, стран Востока. В 1925 году СССР признала Япония, а в 1933 году, с приходом к власти президента Ф.Д. Рузвельта, и США. К тому же, в конце 20-х – в начале 30-х годов США и ряд европейских стран поразил невиданный экономический кризис. Только в США промышленное производство к 1932 году сократилось на 40 процентов, в стране было 17 миллионов безработных. До 1933 года в глубокой экономической яме была экономика Германии. Что до армии в СССР, то в конце Гражданской войны она была одной из самых сильных в Европе. В этой ситуации утверждать, что СССР грозила серьёзная опасность новой международной военной интервенции можно лишь следуя пропагандистским мифам, что Зиновьев и делает. В то же время, за пределами его анализа остаются такие характерные для 30-х годов и связанные со Сталиным процессы как создание ГУЛАГа, уничтожение реальных и мифических оппозиций и, наконец, Большой террор, которые без коллективизации – «генеральной репетиции» диктатуры вряд ли были бы возможны.

6. В коллективизации, наконец, Зиновьев видит мощный лифт социальной мобильности, поскольку молодёжь получила возможность становиться трактористами, учётчиками, занимать «интеллигентные» должности в клубах, школах и иных социальных учреждениях. Сложно представить, что, например, при альтернативном «кооперативном» пути развития аграрного сектора, который предлагали А.В. Чаянов, Н.Д. Кондратьев и др., такие должности

бы не возникли, что они были свойственны исключительно насильственной коллективизации и должны быть отнесены исключительно к её «положительному» потенциалу.

Анализ советского должен быть не только философским, историческим, экономическим, но и литературно-публицистическим. Не будем забывать, что писатели по крайней мере «первого ряда», но не те, которые выстраивались в очередь с целью получить блага и похвалу от властей, были не только талантливыми, а иногда и гениальными понимателями происходящего, современниками. Уже только в этом качестве их тексты-свидетельства стоят никак не меньше, чем любые другие исторические документы эпохи. В этой связи, подобно многим другим авторам, мне представляется необходимым использовать не только научные термины, но и художественные сюжеты, метафоры и образы. Отсюда – стилевое смешение, особый философско-научно-художественный жанр.

Стилевое смешение философского, научного и художественного анализа предопределено и тем, что ставится задача писать текст, предназначенный не только и исключительно для профессионального гуманитарного сообщества. Среди читателей можно рассчитывать увидеть не только гуманитариев–профессионалов, но и интересующую непрофессиональную публику. Естественным ограничителем для последней группы может быть только одно – культурно-образовательный уровень подготовки. Текст не рассчитан на толкование азов.

* * *

Исследование советского в разных ипостасях и проявлениях уже давно нельзя полагать «начинающимся на пустом месте». В России и в мире много специалистов, плодотворно работающих с феноменом советского. Однако в такого рода исследованиях далеко не всегда удаётся вернуться к истории советской империи не как к имперскому нарративу, обслуживающему какие-то актуальные политические интересы, но как к истории оконченного прошлого [Миллер 2010: 24]. Впрочем, отчасти это происходит и потому, что советское прошлое никак не закончится.

Среди близких мне по духу работ я выделю наиболее значимые. Это работы социологов и экономистов Левада-Центра², начиная от его основателей Т.И. Заславской и Ю.А. Левады, и до продолжателей – Л.Д. Гудкова и Б.В. Дубина; монографии историков и культурологов А.С. Ахиезера, И.М. Клямкина, И.Г. Яковенко; историков Г.А. Бордюгова, В.П. Булдакова, Я.А. Гордина, В.П. Данилова, Н.А. Ивницкого, А.В. Исаева, В.В. Кабанова, Э. Карра, В.А. Козлова, И.Е. Козновой, М.А. Колерова, И. Курилы, Д. Ливена, В.Т. Логинова, Т. Мартина, А.И. Миллера, Б.Н. Мироненко, С.В. Мироненко, М.С. Солонина, А.А. Тесли, С. Хафнера, Дж. Хоскинга, О.В. Хлевнюка, Т. Шанина, Н.В. Эльбарт, Э. Эпплбаум, А. Эткинда, С.А. Эшкута; философов Н.И. Бухарина, А.А. Гусейнова, А.А. Зиновьева, Н.Н. Козловой, Е.Г. Плимака, Г.С. Померанца, Е.А. Преображенского, А.М. Пятигорского, Г.Л. Смирнова, В.И. Толстых, Г.Л. Тульчинского; культурологов и киноведов А.П. Давыдова, Н.А. Хренова, Т.А. Злотниковой, Е.Я. Марголита; литературоведов Н.В. Корниенко, Р. Ходела и других.

Большинство из этих работ написаны так, будто анализируемый в них предмет – российская власть, вовсе не заботит учёного своей возможной негативной реакцией, а нуждается в объяснении. Думаю, что во времена СССР их исследования с нынешней глубиной и в нынешней тональности вряд ли были бы возможны, а если бы и были выполнены, то автор был бы наказан, а работы помещены в отдел специального хранения библиотеки, да и то далеко не всякой. Сейчас этого нет и один из возможных ответов состоит в том, что власть, как и мы, осознала: в стране больше нет почвы и субъектов для осмысленного сопротивления её не всегда верным, но по-прежнему не обсуждаемым решениям. Все её «враги» в той или иной форме нейтрализованы и потому любое, даже истинное критическое исследование не будет востребовано, окажется в пустоте, как сказал бы Андрей Платонов, в некоем «ничто». Но

² Внесён Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

возможен и другой, более оптимистичный ответ: власть понимает, что сколько-нибудь долго только на фантомах реальная политика строиться не может и, значит, ориентированные на реальность исследования когда-нибудь понадобятся. И у этого предполагаемого оптимистичного ответа есть фундаментальное основание: *в противостоянии добра и зла, справедливости и несправедливости, правды и кривды всегда и везде именно второе – зло, несправедливость и кривда вынуждены мимикрировать, принять образы добра, справедливости и правды, а не наоборот. Слабое всегда прячется за сильное и, значит, первое в конце концов одолевает второе. В этом историческая неизбежность, «конец любой истории», сколь долго бы она не длилась.*

* * *

Глубокий и многоаспектный феномен советское должен исследоваться по крайней мере в трёх наиболее важных проявлениях. Во-первых, как *замысел и результат ленинско-сталинского понимания, переосмысления и практики применения марксизма в российской действительности от октябрьского начала до наших дней*. И речь следует вести не только о доктринах, но и о социальных практиках. Во-вторых, советское надлежит рассматривать как *литературно-философский анализ советской реальности (с поправкой на пропаганду)*³. Художественное высказывание, таким образом, будет в то же время историческим художественно-документальным свидетельством. При этом, сразу нужно пресечь досужую, но частую попытку представить такого рода критическое исследование как *нелюбовь к стране*. Россия – родина, которая давно и тяжело больна. Понять природу её болезни всегда старались с двух противоположных сторон западники и почвенники (славянофилы). О западниках, в том числе и об их ошибках, говорится многое. Что до почвенников, то сошлюсь на верное о них суждение: ошибка почвенников «не в том, что Россия не может рождать свет (может!), а в переоценке русской способности просветить среднего человека и создать светлый порядок. В самой России Мышкины и Безуховы слишком исключительны. Их реже можно встретить, чем Пиквикова в Англии; а Смердяковых – хоть пруд пруди» [Померанц 1984: 50].

И, наконец, советское следует помыслить как уже состоявшиеся *отдельные опыты специальных социально-философских, философско-аналитических, исторических, политологических и культурологических исследований*, которые хотя, как правило, далеки от целостного понимания феномена, но существенны и значимы своим изучением его отдельных аспектов. При этом, среди множества различных областей, в которых советское проявляет себя, в качестве приоритетной для исследования я избираю аграрную сферу жизнедеятельности человека в России и СССР – одну из наиболее трагичных и характерных для отечественной истории второй половины XIX–XX столетий.

* * *

Говоря о структуре анализа феномена советского, я в то же время предпринимаю попытку дать анализ его природы. В отличие от иных всеобъемлющих явлений такого рода (например, нацизма, в значительной степени берущего своё начало в Германии из распространённых в немецком обществе первой половины XX века расистских и шовинистических умонастроений и чувств, замешанных на общенациональной обиде итогами Первой мировой войны [см., например: Хафнер 2016]), феномен советского первоначально начал выкристаллизовываться в головах узкой группы интеллектуалов, исповедовавших марксизм. *Марксистские идеи и марксистское идеологическое – начала природы советского*. Не будь марксизма, «творчески» интерпретированного и высаженного в российскую почву, не было бы и феномена советского.

³ История, как известно, то, что о ней думают.

Советское, далее, не могло бы возникнуть в нашем отечестве без *особого качества российской почвы*, формировавшейся в течение без малого пяти столетий. И хотя эта изначально идеалистическая по своему генезису конструкция в полной мере не объясняет природу феномена, значимость почвы также не следует преуменьшать.

Следующим слоем над идеологическим и «почвенным» в генезисе советского располагаются *политическая теория, организационная политическая конструкция и её результат – политические умонастроения и политическое действие*. Цель политического – изменение общественного сознания и на этой основе форматирование социально-политической и экономической реальности в интересах и в соответствии с системой воззрений теоретиков-марксистов. При этом, для результата не важно, что цель социальной мифологии и идеологии – тенденциозное сокрытие, переформатирование сознания в определённое содержательное целое, а не раскрытие и анализ действительности, на почве чего сознание получает возможность мыслить самостоятельно [Зинченко 2020: 17].

Сделанный русскими марксистами акцент на первичность идей и сознания требует пояснения. Так, вопреки исходной марксистской философской посылки о первичности материи и вторичности сознания, советское создавалось и существовало прямо противоположным способом: первичным было сознание. В результате, окружённый идейной и идеологической оболочкой и уже переформатированный процесс общественного развития стал вступать в противоречие не только с государством, но и с субъектами производственного процесса, тормозить развитие производительных сил. В дальнейшем процесс советизации общественного развития продолжался, неукоснительно реализовывался ради идеологически заданной цели построения советского общества и «формирования» советского человека. Экономика строилась по лекалам идеологии и политики, продуцировавших и искусственно нагнетавших массовый строительный энтузиазм⁴. Однако поскольку производители, обладая здравым смыслом и памятью, все же имели возможность сравнивать эффективность нынешних экономических действий и их результатов с теми, которые имели место до начала перемен, с результатами, получаемыми после и в результате перемен, то провал множества советских нововведений был им очевиден. Однако об этом производители должны были молчать, поскольку за любое критическое отношение к создаемому они могли быть уничтожены и при обнаружении уничтожались.

Более того. Новое *идеологическое* начинало работать на то, чтобы создать *нового человека и новые народные массы с новым сознанием*, которые бы в принципе не только не знали о прошлом, но ясно видели только одно – объявленный, декларированный (не всегда реальный, нередко воображаемый и умозрительно проектируемый) успех нового советского. Новое советское диктовало идеалистическую схему: «идеология – политика – экономика – новая идеология – новая политика – новая экономика» и т. д.

* * *

Оценка механизма действия советского механизма как абсурдного справедлива в отношении только одной части феномена советское. Идеологическая, навязываемая действительности сторона его природы, в реальности ведущая к разрушению, была велика, но не единственна. В противном случае о советском можно было бы говорить только в негативном ключе и оно, конечно, не смогло бы продержаться несколько поколений и не вызывало бы у части общества ностальгические переживания. В его первооснове – в идеях марксизма было и противоположное разрушительному, подлинно гуманистическое начало, которое посредством идеологии и политики также проникло в феномен советское.

В раннем труде К. Маркса «Парижские рукописи» (в советском издании названные «Экономическо-философские рукописи 1844 года») содержатся представления о всесто-

⁴ Массовый энтузиазм также имел и иную составляющую – проистекал из энергии новых, поднятых из низов социальных слоёв.

роннем развитии человека и о его цели – превращении «природных сущностных сил» (задатков способностей и потребностей) в «очеловеченные сущностные силы» (реальные способности и потребности). Именно свободное развитие каждого объявлялось условием свободного развития всех. Из этой, позитивной части феномена, проистекало то, что может быть названо подлинно гуманистическим и позитивным в составе советского. Но также следует понимать и то, что это «часть» советского реально существовала лишь в просветительской форме – знания-установки, бытовавшей почти целиком только на уровне школьного и вузовского образования, иногда создавая «идеалистов», которых реальная жизнь впоследствии быстро «ставила на место».

Особенность феномена «советское» заключается также в трактовке основных элементов человеческого сознания – памяти, вере, представлений о реальном и фантазий о будущем. Каждая из этих сущностей была содержательно препарирована идеологией, что в итоге привело к тому, что памятью становилось лишь то, что в память допускалось после прохождения через партийно-политический фильтр, вера существовала как практический партийно-политический императив, а реальностью и будущим именовалось то, что таковым провозглашалось или даже конкретно назначалось⁵. В литературе это теоретическое действие получило название метода «социалистического реализма», смысл которого состоял в необходимости изображения действительности не такой, какой она есть и, следовательно, в её критическом анализе (это было характерно и для буржуазного критического реализма), а в художественном осмыслении и созидании того, что должно было появиться, стать реальностью первоначально с точки зрения марксизма, а позднее – ленинизма-сталинизма. И фанатиков идеи не останавливало ничто, ведь «если можно калечить себя (власяницей и плетью), то почему нельзя теми же средствами вырывать душу грешника из-под власти дьявола? И наконец сжечь грешное тело, чтобы спасти бедную душу» [Померанц 2012: 329].

Исторические основания советского многообразны. Это и существование русского земледельца в малопригодной для нормальной жизнедеятельности природной среде с низкоплодородной почвой и суровым климатом. Это и бытие восточных славян при иноземном татаро-монгольском владычестве, когда жизнь смерда целиком зависела от случая – воли своего или иноземного господина. Это и последующее бытие дворянского сословия в пределах воли самодержца, а крестьян в крепостной зависимости у помещика. Это также и жизнь в общине – закабаление общим налоговым и рекрутским бременем, когда крестьянин был прижат со всех сторон – государственным и частно-помещичьим интересом как податное лицо, как бесплатный работник и как солдат.

Также следует иметь в виду и природу русского человека, давно отмеченную большими авторами. «Есть два типа в народе, – констатировал И.А. Бунин. – В одном преобладает Русь, в другом – Чудь, Меря. Но и в том и в другом есть страшная переменчивость настроений, обликов, «шаткость», как говорили в старину. Народ сам сказал про себя: «Из нас, как из древа, – и дубина, и икона», – в зависимости от обстоятельств, от того, кто это древо обрабатывает: Сергей Радонежский или Емелька Пугачев» [Бунин 1991: 30]. В этой природе народа споспешествовало и православие с его небрежением мирской жизнью и жизнью подлинной лишь на небесах, в котором на наибольшие блага от Господа мог рассчитывать наиболее беспощадный и злобный разбойник, в котором, опять же, исключительно по высшей воле, однажды «совесть Господь пробудил».

Тем не менее, говоря о наиболее распространённом российском поведенческом свойстве, характерной черте, нужно отметить, что наиболее массовой и целесообразной реакцией и условием выживания в социально-природных обстоятельствах была *покорность*. Однако советское – это не только исторически сформированное, трансформированное и идеологически усиленное в собственно советский период поведение покорности. В силу наличия в ком-

⁵ Так, например, коммунизм в очередной партийной программе 1960 года был назначен к появлению в реальности СССР к 1980 году.

мунистической идеологии гуманистического начала и, в особенности, идей всестороннего развития человека и будущего коллективистского братства всех людей, в основе советского начала действительно имелась и отчасти была реализована *возможность нового «сотворения» масс и «формирования» свободного человека*. Так, например, широко распространённое в период Великой Отечественной войны героическое поведение не могло быть результатом покорности. В его основе лежали *свобода и достоинство человека, доминирующая любовь к Отечеству и готовность жертвования своим отдельным личным ради целого общего, в конечном счёте – свободное бытие каждого как условие свободного бытия всех*.

Конечно, в реальной свободе советского человека было много ограничений. Например, человек не должен был выходить за рамки придуманной советской идеологией истории СССР и мировой истории, не должен был задавать вопросы и, тем более, сомневаться в истинности коммунистических идеалов и средств их достижения. (Например, если утверждалось, что подавление чехов в 1968 году было правильно, а вторжение в Афганистан в 1979 году необходимо, то это нужно было принимать без возражений. Точно также в 1960 году только партийный еретик мог выразить сомнение о реальности наступления коммунизма через двадцать лет).

Но означало ли это, что действие советского имело ограничения во всех случаях и всегда? Вовсе нет. Если знания, интересы и цели личности не вступали в видимое противоречие с толкуемыми советской идеологией вопросами, то такая личность вполне могла себя чувствовать комфортно и поступать свободно. Даже академик А.Д. Сахаров, прозревший античеловечную сторону советского и нашедший в себе силы открыто выступить против замысла М.С. Горбачева пересоздать советское, подобно Мичурину, вывести особый «социализм с человеческим лицом», в своё время не мог по крайней мере сразу отделить свободу от покорности. В день смерти Сталина он писал: «Я под впечатлением смерти великого человека. Думаю о его человечности». И продолжал: «За последнее слово не ручаюсь, но было что-то в этом роде. Очень скоро я стал вспоминать эти слова с краской на щеках. Как объяснить их появление? До конца я сейчас этого не понимаю. Ведь я уже много знал об ужасных преступлениях – арестах безвинных, пытках, голоде, насилии. Конечно, я знал далеко не все и не соединял в одну картину. Где-то в подсознании была также внушённая пропагандой мысль, что жестокости неизбежны при больших исторических событиях (“лес рубят – щепки летят”))» [Правила жизни Андрея Сахарова].

Говоря о советском, следует отметить, что с момента его зарождения имело место известное к нему стремление со стороны людей как к антитезе помещичье-царскому. И природа этого стремления была сродни стремлению к освобождению от религии. «Недостаточно, – верно замечал А.А. Зиновьев, – объяснять эту борьбу против религии и церкви тем, что последние оказались на стороне контрреволюции и что вожди революции организовали эту борьбу в угоду марксистской доктрине относительно религии.

...Дело тут главным образом в том, что массы населения, совершенно незнакомые с марксистской или иной доктриной, сами с ликованием ринулись в безбожие как в новую религию, сулившую им рай на земле и в ближайшем будущем. Более того, они ринулись в безбожие даже не ради этого рая, в который они в глубине души никогда не верили, а ради самого безбожия как такового. Это была трагедия для многих людей. Но для ещё большего числа людей это был беспрецедентный в истории человечества *праздник освобождения от пут религии*. (Курсив мой. – С.Н. Думаю, что в этом ощущалась иллюзия освобождения и от пут вековой покорности). Какую бы великую историческую роль религия ни играла, она играла эту роль, накладывая на людей тяжёлые обязательства и ограничения на их поведение. ...Освобождаясь, люди сбросили путы религиозного духовного гнёта, даже не подозревая о том, какого рода духовное закрепощение идёт ему на смену» [Зиновьев 2018: 149].

Идеологическая природа советского будет видна яснее, если в принципе анализ феномена на каждом этапе его эволюции и в каждом отношении будет начинаться с присущих

ему базовых, приспособленных к конкретному историческому моменту идей; далее следует обращать внимание на их реализацию через политику и, если возможно, то и через право; затем останавливаться на их материальном результате; и, наконец, завершать рассмотрение обращением к анализу новых идей, сформулированных внутри идеологии.

И, тем не менее, даже при многоступенчатом анализе явления говорить о его адекватном понимании самонадеянно. «Целое личности или культуры не складывается из фактов, и все модели культуры – догадки» [Зиновьев 2018: 319]. Эта мысль Г.С. Померанца – и как наблюдение, и как методологическая установка – верна. И потому представленное в настоящем исследовании видение советского – всего лишь одна из догадок.

* * *

Рассмотрение феномена советского показательно в его содержательных проявлениях на протяжении всего периода его зарождения-существования: в протосоветском – от середины XIX века и до октябрьского переворота; в проявлениях протосоветского в Октябре и в период «политики военного коммунизма»; в частичном отступлении в НЭП и в полном погружении в советское в коллективизацию; в советском в период довоенных репрессий, ГУЛАГа и «Большого террора»; в проявлениях советского во Вторую мировую и в Великую Отечественную войну; в период позднего сталинизма; в частичном отступлении от советского в «хрущевскую оттепель» и в «ренессансе» советского в период «развитого социализма»; в попытках «очеловечить» советское в горбачевскую «перестройку» и, наконец, в систематических, частичных, лишённых понимания советского как целого попытках реинкарнации его отдельных элементов в наши дни.

Реализацию установки на целостный охват феномена затрудняет его многообразие. «Советское» – это СССР, историческое продолжение российской империи, насилием, по доброй воле или хитростью присоединенные к РСФСР территории и страны, образовавшие «социалистический лагерь». «Советское» – это общественное устройство и образ жизни, способ правления и человек. «Советское» – это одоление нацизма в Великой Отечественной войне, жертвы и победы, героизм и страх. «Советское» – это целенаправленное и планомерное послеоктябрьское уничтожение социальных слоёв и общественных групп, голод 1921–1922, 1932–1933, 1946–1947 годов, насильственная коллективизация, выселения миллионов по мировоззренческому, имущественному и этническому признаку, ГУЛАГ как способ «перековки» человека и ресурс рабского труда. «Советское» – это ампутированная, выборочная или «новая», сконструированная по идеологическим лекалам память, заменившая реальную и требующая под угрозой насилия и смерти её признания в качестве единственно верной.

Но советское это также вера и полет фантазии, воодушевление и энтузиазм «новых» людей, главным образом родившихся накануне или после Октября и поэтому мало что знавших о советском в его становлении в 20-е и в 30-е годы. «Советское» – это целина как избавление от перманентного голода, хотя и при подавлении политического сопротивления казахов, терявших пастбища и традиционный образ жизни кочевого народа; это полет Гагарина в космос; перманентное «догнать и перегнать»; «продовольственная программа» и обещание к восьмидесятому году построить в СССР коммунизм. «Советское» – это качественное бесплатное образование и довольно средняя, хотя тоже бесплатная (лично человеком не оплачиваемая) медицина, гарантированная трудовая занятость, но также видимость народоправства, властная геронтократия, притворная власть советов, явное правление партии и тайная власть политической полиции под партийным крылом. «Новое советское» – это современная «гибридная» феодально-капиталистическая власть со спектром уловок – от мягкого притеснения гражданского общества до жёстких акций против разного рода несогласных. Это Валентина Терешкова – первая женщина-космонавт и одновременно послушный рупор принятия поправок в Конституцию с листа о возможном пожизненном правлении правящего Президента.

Это и слова о богохранимой России на музыку коммунистического гимна, имперский триколор, двуглавый орёл и заставка старой программы «Время» с такой же, как и в советское время, лукавой информацией.

«Советское» – это также то, чем жили и что по-разному сознавали две трети из нынешних ста сорока семи миллионов жителей современной России и о чем каждый имеет собственное представление. Но именно своё и только своё представление советский человек будет считать истинным, отказываясь слышать, понимать и даже гневно поносить других именно потому, что он советский и ощущает себя *единственным носителем истины*.

«Советское» – это, наконец, и то, что, в отличие от реального, чаще всего *воображают себе люди*, никогда в советском не жившие. Свои мечты о добром и справедливом они ассоциируют с теми позитивными чертами советского, которые в нем или в самом деле были, или которые они понаслышке ему приписывают, и которые поэтому им представляются лучше нынешних.

И, наконец, в связи с тенденцией, обнаружившейся в российском культурно-философском дискурсе в последние несколько лет, о котором более полувека назад предупреждал известный американский исследователь Джеймс Биллингтон, директор Библиотеки Конгресса США: «Самый многообещающий путь к установлению в России авторитарного национализма может дать обновленный вариант евразийского движения. Возникшее после Первой мировой войны в среде русской эмиграции как консервативная альтернатива большевизму, это движение толковало понятие русской национальной принадлежности расширительно, включив в нее как азиатские, так и европейские элементы и особо подчёркивая стародавнюю, замешанную на панславянском самомнении, идею о том, что Запад пребывает в состояний окончательного упадка, а Россия – на подъёме. Ожившее в сочинениях Льва Гумилева, единственного сына двух великих поэтов, Анны Ахматовой и Николая Гумилева, новое “евразийство” внушает мысль о том, что обладающий “пассионарностью” народ, каковым является и народ русский, всегда одолеет те народы, сила которых коренится лишь в вещах материальных» [Биллингтон 2001: 39].

Итак, что являет собой структурное содержание советского, о котором в силу ограниченного формата статьи, я скажу лишь тезисно.

Часть 2

Советское как существенная, но все же часть отечественной тысячелетней истории, прежде всего должно рассматриваться в историософском плане. Таковым для меня является представление об истории России, начиная с Ивана Грозного, то есть за последние примерно пять веков. «Матрицей» России с середины XVI века я полагаю константы – неизменные в своих сущностных характеристиках структуры отечественного бытия и общественного сознания – повторяющиеся на протяжении длительного исторического периода, которые, с одной стороны, задают ограничения, а с другой – пристраивают директории общественного (экономического, социально-политического и культурного) развития. Они также способствуют появлению соответствующих им социальных акторов (персон или групп) и институций. Соотнесение «матрицы» с другими явлениями и процессами, исследуемыми в общественных науках, показывает, что «матрица» первична и фундаментальна по отношению к другим общественным явлениям, например к таким, как демократия, свободы и права человека, разделение властей, верховенство права или гражданское общество. Добиваться их изменения, оставляя в стороне «матрицу», – напрасный труд.

Переход от родоплеменной организации к формированию государственной формы жизни народов, впоследствии получивших наименование русских, совпадает с периодом их освобождения от более чем двухсотлетней власти кочевников. Степная форма организации общественной жизни наших предков возникла из длительного, зримо наблюдаемого приме-

ра. У степняков ресурсная экономика, которая по мере исчерпания полезного в хозяйстве вещества природы требовала новых пространств, военная организация жизни, предполагающая централизацию и единоначальное управление, закабаление подвластного населения, посредством чего удовлетворялись потребности административной и военной верхушки, – все это составило условия для возникновения русской «матрицы».

В составе «матрицы» нужно отметить сложившуюся и укрепившуюся в противоборстве с Западом религиозную компоненту. Состоявшийся в 1054 году раскол Римско-католической и Православной церквей был усилен через четыре века падением Константинополя, концом Византийской империи. Воспринятая Василием III и Иваном Грозным идея «Москва – Третий Рим» укрепила православие в его антизападных устремлениях и притязании на византийское наследство. Модель Византийской империи с её самодержавной властью была приспособлена к изначальной «степной» предрасположенности Москвы. Однако из этой модели была выброшена идея права и идея защищённой законом частной (в том числе – трудовой) собственности. Это выразалось в отсутствии отношений договорных и доверительных и, напротив, в укоренении отношений начальственных и насильственных, что – в продолжение отношений иноземного владычества – культивировало во всем обществе *покорность* в качестве основного и фундаментального его свойства.

Окончательное формирование «матрицы» – идей империи, самодержавия и власти-собственности – происходит при Иване Грозном. Идея империи обозначала ориентацию страны на пространство как источник ресурсов. Самодержавие стало формой управления. Что же до механизма *слияния власти и собственности*, что грозный царь впервые начал культивировать в разделении подданных на земщину и опричнину, то он оказался идеальным инструментом развития империи и поддержания самодержавия. С его помощью власть обеспечивала добровольное расположение и подчинение одних и принудительное управление другими.

Надо отметить, что для раскрытия двойной направленности этого механизма наряду с термином «собственность» требуется и термин-антипод: «бессобственность». При этом прежде своего вещного, юридического значения, фиксируемого правом, «собственность» обозначает свободу или несвободу человека распоряжаться самим собой, быть собственником самого себя или не быть таковым, пребывать в зависимом состоянии. Заложённая в основу российского способа бытия «матрица» век от века воплощалась в конкретной истории, делалась все более мощной и изощрённой.

Первым термин «самодержец» («Господарь и самодержец всея Руси») употребил московский царь Иван III, хотя при нем это наименование использовалось для акцентирования международного суверенитета страны, а не для характеристики её внутреннего устройства. Качество страны как империи было сформировано при Иване IV Грозном, когда он, освободившись от власти Орды, не только осуществил большие приращения земель, но и существенным образом изменил управление и саму жизнь подданных. «*Жаловать своих холопей мы вольны и казнить их вольны же*» – так, по словам В.О. Ключевского, сформулировал своё самодержавство Иван Грозный.

Начав своё правление с участия во власти «Избранной Рады», созыва Земских соборов, создания элементов самоуправления на местном уровне и даже составления Судебника, вскоре он изменил курс. От правления, основанного на согласовании интересов и решений, – подобии договорного права – он перешёл к «праву» единоличной власти. Сделано это было по всему спектру правоотношений, включая изменение базового основания собственной легитимности, вынужденно поддержанного Церковью. При нем была уничтожена независимость и императивная сила пастырского слова. И хотя документальное постулирование самодержавия произошло только при Петре I (в 1721 году в «Духовном регламенте» Феофана Прокоповича появилось положение: «Монархов власть есть власть самодержавная, которой повиноваться сам Бог за совесть повелевает»), похоже, в этом случае общественная практика опередила правовую норму.

Как отражение практического действия при Иване Грозном в российском бытии и формирующейся национальной идентичности произошло слияние власти и собственности, начало закрепляться состояние *собственности/бессобственности*. Производимые опричниками убийства и переселение бояр, отъем и перераспределение их имущества не только лишали отношения людей по поводу вещной собственности их легитимного содержания, но и вводили общее для всех подданных состояние «жизни по воле самодержца». В дальнейшем в истории были времена, когда дворянство как ближайший к монарху социальный слой получало права временной, на период службы, собственности на имения или, в другое время, права собственности постоянной, включая крепостных, с передачей таковой по наследству. Однако никогда у подданных не было уверенности в том, что их собственность не может быть в любой момент отнята.

Среди многих признаков Российской империи применительно к XVI веку прежде всего следует отметить её экспансионизм. В этом Россия не была уникальна, стадию активного экспансионизма прошли многие мировые державы, но их экспансионизм, во-первых, был ограничен во времени и, во-вторых, строился на принципиально иной основе: «метрополия – дом», «колонии – не-дом». В России такого разделения не было, хотя некое его подобие фиксировалось понятиями «центр» – «окраины, провинция», а теперь и термином «регионы». Экспансионизм определялся исходными устойчивыми факторами. Первый – экономическая отсталость, отчасти вызванная нашествием кочевников. Присущий им исторически тупиковый характер жизнедеятельности с постоянными переходами с одного места на другое включал интенсивность развития и возможность для России в этих условиях активно прогрессировать, в том числе налаживать контакты с Европой и вырабатывать основанную на договорных отношениях форму развития. Все это обусловило стагнирующий характер отечественного социально-экономического и культурного бытия. Заложённый стереотип впоследствии в полной мере никогда не преодолевался: всегда имелось много новых ресурсов, использование которых справедливо избиралось властью как менее затратное; вся общественная организация, закреплённая в общественном сознании и психологии членов сообщества, создавала инерцию экспансии.

Периферийное географическое положение по отношению к очагам цивилизации, сочетавшееся с уязвимостью длинной границы, было вторым фактором, предопределявшим имперскую форму организации социума: врагов нужно было побеждать, отодвигая как можно дальше от Центра – разрастающейся Москвы. Территория, требовавшая государственного патронажа и обороны, постоянно росла. С другой стороны, участие России в многочисленных вооружённых столкновениях не могло не сказаться на состоянии её хозяйства. И наконец, третьим фактором, подтолкнувшим к созданию империи, была многонациональность и поликонфессиональность населения с разными уровнями хозяйственно-культурного и политического развития. При этом разные по качеству социумы должны были иметь общую для них государственную форму. И форма эта не могла быть сложной, заведомо не подходящей для социумов слабо развитых и менее сложно организованных. По этой причине выбор – договор и право (включая ограниченное правом государственное управление в сочетании с самоуправлением и развивающимся гражданским обществом) – или же приказ и насилие (самодержавное правление, воспроизводившее себя на всех уровнях) – был предreshён.

В этой связи понятна неизбежность и органичность для России самодержавной природы государства. *Империя* была одной из самых простых форм власти, которая поддерживала свою жизненность насилием, непрерывной произвольной экспансией или вынужденной защитой от врагов. Примитивные уровни развития народов, включаемых в империю, их разнообразие требовали простых форм ассимиляции. Что же до народов «развитых», то империя с разной успешностью также находила способы их покорения и удержания, хотя иногда в форме сосуществования, а не поглощения. Но это удавалось ей только до определённых

пределов, преодолев которые «продвинутые» народы либо вынуждали отпустить их добровольно (Финляндия), либо достигали этого насильственным путём (Польша).

Становление российской империи в форме захватов и защит в XVI–XIX веках не было исключительным мировым явлением и вполне вписывалось в международное право. Согласно ему, любое расширение территории должно было базироваться на одном из трёх оснований: завоевании, уступке (цессии) или занятии ничейной земли. В результате за период без малого трехсот лет Россия как централизованное унитарное государство, за исключением автономных Финляндии, Бухары, Хивы и Тувы, присоединила к себе множество территорий. Были завоёваны Финляндия, Прибалтика, Польша, Северный Кавказ, Средняя Азия; присоединены по договору Левобережная Украина, Бессарабия, Грузия, Армения, часть Азербайджана и Казахстана; инкорпорированы в ходе хозяйственной колонизации Север, часть Поволжья и Сибирь. Количественное выражение экспансии на этом временном горизонте видно вполне чётко. Так, если в последней трети XVI века соотношение между населением в границах собственно России и населением присоединяемых территорий составляло 86 % и 14 %, то к 1917 году эта пропорция была 40 % и 60 %, а если прибавить к этому завоевания и присоединения, сделанные СССР накануне и после Второй мировой войны, то количественный перевес присоединённых народов увеличивается ещё больше.

Наконец, не менее важным признаком Российской империи было наличие у императора и у некоторых подданных представления о его личной *особой миссии* самодержца и о такой же миссии страны. Начало этому явлению дала идея Третьего Рима, согласно которой русский царь – преемник римских и византийских императоров – был таковым в силу избрания самим Богом, а стране – самодержавно-царской, автокефально-православной Руси – надлежало хранить правую веру и бороться с её врагами.

Изначально присущий Российской империи экспансионизм проистекал не только из перечисленных факторов, но и из хозяйственно-экономических причин. В этом отношении в дополнение к вышеописанным элементам «матрицы» российской власти и общества – империи и самодержавию – следует обратить внимание на ещё один – собственность-власть (собственность/бессобственность). Отмеченное ещё древними, а затем и христианством родовое свойство человека – его свобода – в отечественной истории из природы человека было устранено.

Связанная с вопросом о качественном развитии человека и страны проблема была не только в том, что один человек мог отнять жизнь другого. Не менее существенно было и то, что при таких отношениях несвободный (бессобственный) человек был лишён оснований для свободной деятельности, предопределяющей его творческую активность. Не только природные условия или стереотипы властных отношений, но само общественное устройство толкало хозяйствующего субъекта не создавать новое, но лишь искать нужное в природе, в сырьевом ресурсе, требующем минимального творческого участия, но дающего быстрый и до поры приемлемый результат. В этой связи характеристика хозяйственно-экономической природы российского экспансионизма верно определяется как «внутренняя колонизация». Для непрерывной добычи ресурсов – будь то пушнина, рыба, пенька, «чёрное» или иное золото – обеспечиваемая имперской властью экономическая устойчивость была важнее, чем свобода или сама жизнь человека.

Ещё одна константа российской истории – православие с его исходной фундаментальной позицией, согласно которой оно лишь в малой степени концентрирует свою цель на мирских делах, (если делает это вообще), целиком сосредоточиваясь на вневременном – подготовке человека к будущему бытию его бессмертной души. Основанием для такого рода предуготовлений в нем выступает имеющее фундаментальное значение Апостольское предание (традиция) как норма веры. Жизнь человека, согласно православному канону, должна соответствовать образу жизни, представления о котором укоренены в Предании Церкви. И это должно быть не внешнее уподобление или культурно-историческое его приятие человеком и об-

ществом. Православная жизнь означает её наполнение соответствующим ценностным содержанием. И для этого нужно иметь не только знания, но и реальный опыт жизни в Церкви, сделаться сопричастником Её Таинства. «Для православного человека XXI века остаются насущными знание учения Церкви, личный опыт молитвы, способность различения Православия от иных конфессий, укоренённость в истории и духовной культуре своей страны и многое другое, что связано с его верой. Однако главным и первоочередным является усвоение религиозного образа жизни, то есть такого образа жизни, который предполагает опору на религиозную мотивацию» [Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл 2000].

И, наконец, ещё одной константой российского бытия и общественного сознания выступает от XVI по XIX и вплоть до второй половины XX века подавляющая часть советского (а позднее – российского) народа, ныне именуемого с лёгкой руки В. Суркова, «народом глубинным». Однако уже с 20-х годов XX века народ начал претерпевать существенные изменения в связи с процессом «формирования нового советского человека», а со второй половины 50-х годов – изменения в связи с явлениями частичной десталинизации. Новые импульсы в изменении состава и качества разделяемых им ценностей были даны процессами «перестройки» и реформ 90-х годов, равно как и события новейшего времени – после 2000-го года.

* * *

В формировании ценностно-нормативных концептов советского культурного опыта значительна роль его исторической составляющей. Так, Г.Л. Тульчинский справедливо отмечает, что его неисчерпаемыми источниками и, одновременно, условиями постижения «являются славянская мифология с её особенностями, особенности русского православия, фольклор, художественная культура (особенно литература: поэзия, проза), особенности содержания и институционализации философской культуры, политическая и экономическая история, особенности русского языка и обыденного дискурса, а также впечатления отечественных и зарубежных путешественников, всегда обращающих особое внимание на специфику и отличия от привычного им опыта» [Тульчинский 2019: 316–352].

Совпадение с главным содержанием советского – нацеленностью на переустройство настоящего с пересозданием человека с повторяющимся опытом преобразования и также с повторяющимся негативным итогом – обнаруживает классическая литература России от конца XVIII до начала XX столетий, равно как и последующая советская. В подтверждение этой мысли предложу краткий экскурс.

В заданном контексте о Д.И. Фонвизине следует говорить на основе материала не только его классической комедии «Недоросль» (1871), но и публицистического текста «Рассуждение о непременных государственных законах» (1872). Он, как позднее и Гоголь, в проекте переустройства отстаивает идею доминирующей просвещённой власти самодержца. Доброе государство – чиновник с говорящей фамилией Правдин, который в имении крепостников Простаковых осчастлиливливает достойных и наказывает творящих зло. Декларации Правдина таковы: призвание государя – это защита прав подданных; каждый может рассчитывать на выгоды лишь в том, что законно.

Н.В. Гоголь также демонстрирует попытку художника-мыслителя вступить в контакт с властью. При этом, его философско-публицистическая «связка» – пьеса «Ревизор» (1835), поэма «Мёртвые души» (1842) и сборник «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847) говорят о не меняющемся российском имперском укладе – основной части русской «матрицы». Обличительный пафос «Ревизора» и «Мёртвых душ» – «тьма и пугающее отсутствие света», хорошо известен. В исследованиях менее акцентируются образы спасающего Чичикова предпринимателя Муразова или успешного помещика Костанжогло, а также связь со сборником «Выбранные места...». Тем не менее, в «Выбранных местах...» наставительно декларируемого государственно и общественно «нужного» содержится неизмеримо более, чем в его художественных сочинениях. Гоголь-советчик обращает свою речь к помещику

и его пожелания покоятся на реальности, какой он её видит. Аргументы просты: мироустройство таково, что кто кем родился, тот тем и быть должен. «Богом повелено человеку трудом и потом снискивать себе хлеб... Скажи им всю правду: что с тебя взыщет Бог ... что по этому самому ты ещё больше будешь смотреть за тем, чтобы они работали честно...» [Гоголь 1847]. Идеологические интенции Гоголя – сочетание самодержавия и православия. Но насколько они достигали ушей слушателей, не говоря о реальных переменах?

Косвенно, посредством критики, идеи переустройства присутствуют в пьесе А.С. Грибоедова «Горе от ума» (1833) и в романе А.С. Пушкина «Капитанская дочка» (1836). В обоих произведениях идея представлена через главного героя и в пушкинском это, опять же, идея переустройства монаршей волей.

В развёрнутом варианте тема переустройства пронизывает романную прозу И.С. Тургенева. Но если в «Рудине» (1855) этот интерес только намечается, то в последующих текстах обретает конструктив: на идее национально-освободительного движения – в романе «Накануне» (1860); в «Отцах и детях» (1862) – через анализ проблемы нигилизма; в «Нови» (1877) – на материале хождения в народ членов «Земли и воли». Но теперь уже не просто декларация, но фиксируемый самим художником «нулевой» результат.

В романах А.Г. Гончарова «Обломов» (1859) и «Обыкновенная история» (1847) пассивно-негативистское отношение к реальности Ильи Ильича на фоне преобразователя действительности Андрея Ивановича, равно как и сперва романтизм, а затем утилитаризм Александра Адуева, вторым планом также имеют тему общественных преобразований. И снова – отмеченная автором неудача преобразовательского замысла.

Новый опыт рассмотрения темы переустройства – роман Н.Г. Чернышевского (1863), в котором впервые заявлена идея ленинизма – создания будущего советского «нового человека». Роман – предложенный художником головной эксперимент с идеей революционной трансформации действительности. Многих ли он, подобно Ленину, «перепачкал»? При этом, примечательно, что на «коммунальный» вызов «Что делать?» последовал не частый в словесности отклик – критическая реакция – роман «Некуда» (1864) Н.С. Лескова и рассказ Ф.М. Достоевского «Крокодил» (1865). Суть обоих – насмешка над революционными мечтаниями.

Тема общественного переустройства у Ф.М. Достоевского – предмет непреходящего интереса, включая воспринятые большевизмом темпоральные экзистенциальные смыслы [Никольский 2021]. В публицистике и в романах каждый герой – носитель экзистенциальной идеи. Это, например: «рвущаяся к свету душа» (Алеша Карамазов) или разрешаемая «кровь по совести» (Родион Раскольников). Впоследствии смыслы эти, как и некоторые другие смыслы героев Достоевского, органично переместились в ленинско-сталинские идеи и практику. Специальная аналитическая работа нужна для изучения проблематики переустройства в творчестве Л.Н. Толстого. Однако нацеленность части его произведений на наставительную пропаганду в духе переустройства сомнений не вызывает. Но также хорошо известна царского правительства и Церкви на эти преобразовательские мотивы.

Тема общественного переустройства – «поиска честного человека» – одна из магистральных и в творчестве А.М. Горького. На вопрос «Как переустроить общество, чтобы оно было честное» один из героев романа «Трое» (1902) отвечает: «Коли из десяти один честен – это для меня ничего не значит... Тут особый счёт надобен... Если же один честен, а девять подлецы, никто не выигрывает... Но человек пропадает. А ежели семеро честных на трёх подлецов – твоя взяла... Понял? Которых больше, те и правы...» [Горький 1970: 23–317]. Однако, когда и каким образом наступит это благостное время, ответа нет.

Проблематика большевистского переустройства в гремучей смеси веры, фантазии и фанатизма рассмотрена Андреем Платоновым в романе «Чевенгур» (1929). Своё исследование автор итожит финалом путешествий его главного героя Саши Дванова: отчизна, в которой он

разыскивал «самосевный» коммунизм, такового на свет не произвела. А смешной и страшный уродец под именем Чевенгур уничтожен.

Каков же финал приключений идеи общественного переустройства и создания «нового человека» в художественной философии конца XVIII – начала XX столетий? Стародум уезжает, рекомендуя Митрофана-недоросля в службу (?!) (Фонвизин); Чацкий покидает Москву для новых скитаний (Грибоедов); Пугачева четвертуют (Пушкин); Чичиков теряется на российских просторах (Гоголь); Рудин гибнет на польских баррикадах, Инсаров убит турками, Базаров умирает от яда мужицкого трупа, Нежданов стреляется (Тургенев); Обломова настигает смерть от апоплексического удара (Гончаров); Лопухов инсценирует самоубийство и перерождается в иностранную личность (Чернышевский); Райнер погибает в бою (Лесков); Илья разбивает голову о стену (Горький); Саша Дванов кончает утоплением (Платонов). Впечатляющий гражданский мартиролог героев – знаков общественного переустройства и создания нового человека.

Конечно, приведённые примеры касаются лишь опытов в основном досоветского периода. Советский период явил другие – победительные, хотя и головные примеры и результаты такого рода «формирования» человека советского. При этом, из прошлого была взята сама интенция переустройства и преобразования и оставлен без внимания итоговый печальный результат. Игры теперь уже в советский конструктор были продолжены, для чего приспособлено мощное оружие – переработанная марксистская теория и революционная практика большевизма.

* * *

Советское в его главной интенции переустройства общества и созидания «нового» человека изначально было положено на «всесильное» (Ленин) учение Маркса. Однако оно было трансформировано под замысел большевиков.

В марксизме ведущей выступала *идея уничтожения частной собственности на средства производства* – первый исток будущего советского, адекватно воспринятая большевиками. Поскольку с ней связывалась эксплуатация человека человеком, то именно она была в полной мере востребована советской властью, поставившей цель создания «мира сначала» и созидания для этого мира «нового человека». В «Манифесте Коммунистической партии» – первом публичном фундаментальном теоретическом и идеологическом документе⁶ Маркс и Энгельс формулировали: «Отличительной чертой коммунизма является не отмена собственности вообще, а отмена буржуазной собственности. Но современная буржуазная частная собственность есть последнее и самое полное выражение такого производства и присвоения продуктов, которое держится на классовых антагонизмах, на эксплуатации одних другими. В этом смысле коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности.

Нас, коммунистов, упрекали в том, что мы хотим уничтожить собственность, лично приобретённую, добытую своим трудом, собственность, образующую основу всякой личной свободы, деятельности и самостоятельности. Заработанная, благоприобретенная, добытая своим трудом собственность! Говорите ли вы о мелкобуржуазной, мелкокрестьянской собственности, которая предшествовала собственности буржуазной? Нам нечего её уничтожать, развитие промышленности её уничтожило и уничтожает изо дня в день» [Маркс, Энгельс 1955: 438].

Три пункта в цитированном положении «Манифеста» составили содержание вытекающего из марксизма отношения советской власти к крестьянству и были избраны большевика-

⁶ О «Манифесте» Ленин в статье «Карл Маркс» писал: «В этом произведении с гениальной яркостью и ясностью обрисовано новое миросозерцание, последовательный материализм, охватывающий и область социальной жизни, диалектика, как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии, теория классовой борьбы и всемирно-исторической роли пролетариата, творца нового, коммунистического общества» [Ленин 1961: 48].

ми в качестве теоретической базы для материализации феномена «советского» в сельской России. Первый, очевидный, – частная собственность на орудия и средства производства как основа эксплуатации человека человеком должна была стать государственной, прикрытой фиговым листком привычного крестьянам общинного коллективизма. Вторым был пункт – в котором добытая трудом собственность названа основой личной свободы, деятельности и самостоятельности индивида. Подлежит уничтожению лишь та частная собственность, которая является «материальным, чувственным выражением отчуждённой человеческой жизни» [Маркс, Энгельс 1974: 117]. Но трудовой частной собственности такое отчуждение, естественно, присуще не было.

Признать положение Маркса о трудовой частной собственности, а, тем более, допустить его в тело идеологии и в политику советского авторитарного, а впоследствии и диктаторского государства ни Ленин, ни Сталин, естественно, не могли. Интуитивно они, вероятно, сознавали, что Маркс прав в своём понимании философии как практическом осуществлении человеческого блага, о чем говорит его знаменитый одиннадцатый тезис о Фейербахе. Но в деятельности – массовой и революционной – отделить один вид собственности от другого было невозможно. Тем более, в контексте назначенного к досрочному уничтожению крестьянства – органического носителя частной трудовой собственности. По этой причине в их интерпретации марксизма оба вида частной собственности – и возникшая в результате эксплуатации и распространяющаяся на средства производства, и трудовая – результат деятельности индивида, были представлены врагом и назначены к уничтожению.

На основе положения о трудовой собственности и о её естественных основаниях в качестве самостоятельности, деятельности и свободы в дальнейшем основоположниками марксизма будет выведен их главный гуманистический тезис о всестороннем развитии человека как цели предполагаемых преобразований. Однако конкретизация этого положения была сделана Марксом ещё в молодости, когда человеческое собственное рассматривается в своём реальном практическом бытии через опредмечивание и распредмечивание: «Предположим, что мы производили бы как люди. В таком случае каждый из нас в процессе своего производства *двоим образом* утверждал бы и самого себя и другого: 1) Я в моем *производстве* опредмечивал бы мою *индивидуальность, её своеобразие*, и поэтому во время деятельности я наслаждался бы *индивидуальным проявлением жизни*, а в созерцании от произведённого предмета испытывал бы индивидуальную радость от сознания того, что моя личность выступает как *предметная, чувственно созерцаемая* и потому *находящаяся вне всяких сомнений* сила. 2) В твоём пользовании моим продуктом или твоём потреблении его я бы *непосредственно* испытывал сознание того, что моим трудом удовлетворена *человеческая* потребность, следовательно, опредмечена *человеческая* сущность, и что поэтому создан предмет, соответствующий потребности другого *человеческого* существа. 3) Я был бы для тебя *посредником* между тобою и родом и сознавался бы и воспринимался бы тобою как дополнение твоей собственной сущности, как неотъемлемая часть тебя самого, и тем самым я сознавал бы самого себя утверждаемым в твоём мышлении и в твоей любви. 4) В моем индивидуальном проявлении жизни я непосредственно создавал бы твоё жизненное проявление, и, следовательно, в моей индивидуальной деятельности я непосредственно *утверждал бы и осуществлял бы* мою истинную сущность, мою *человеческую, мою общественную сущность*.

Наше производство было бы в такой же мере и зеркалом, отражающим нашу сущность» [Цит. по: Лапин 1968: 391–392].

В основе описываемого Марксом процесса первичным является собственное, то есть собственность человека на самого себя как основание свободы, деятельности, самостоятельности. Пункт этот советской властью всегда скрывался, поскольку шел вразрез с духом и буквой реально-советского.

И, наконец, третий пункт рассуждений Маркса и Энгельса о трудовой собственности крестьянина также уводился большевиками в тень. В особенности это имело место в период

коллективизации, поскольку рассуждения основоположников марксизма о естественном, а не насильственном, самим ходом вещей изживании мелкобуржуазной крестьянской собственности на средства производства, противоречили проводимой властями политике.

Безусловным «подарком» для большевиков было временное заблуждение Маркса и Энгельса на счёт подобного «коммунистической коллективности» реального общинного коллективизма российских крестьян. Так, ещё в 1875 году в работе «Социальные отношения в России» Энгельс отмечал, что хотя реформа нанесла сильнейший удар по общинной собственности на землю и общинная собственность «по всей видимости идёт к своему разложению», окончательно хоронить её ещё рано. Конечно, общинная собственность в России давно уже пережила время своего расцвета. Тем не менее, «бесспорно *существует возможность перевести эту общественную форму в высшую, если только она сохранится до тех пор, пока созреют условия для этого, и если она окажется способной к развитию в том смысле, что крестьяне станут обрабатывать землю уже не отдельно, а совместно* (Здесь и далее выделено мной. – С.Н.), причём этот переход к высшей форме должен будет осуществиться без того, чтобы русские крестьяне прошли через промежуточную ступень буржуазной парцелльной собственности. Но это может произойти лишь в том случае (и тут Энгельс высказывается много конкретнее, чем спустя годы сам Маркс. – С.Н.), *если в Западной Европе, ещё до окончательного распада этой общинной собственности, совершится победоносная пролетарская революция, которая предоставит русскому крестьянину необходимые условия для такого перехода, – в частности материальные средства, которые потребуются ему, чтобы произвести необходимо связанный с этим переворот во всей его системе земледелия*» [Маркс, Энгельс 1961: 545–546].

И хотя уже после смерти Маркса Ф. Энгельс в период общения с русскими социал-демократами разобрался в «примитивном», «первобытном коммунизме» русской общины и утверждал, что России, как и Европе до социалистической стадии предстоит пройти стадию капиталистическую, то есть распад общины на парцелльные хозяйства, что понимал и принимал Г.В. Плеханов, Ленин, а вслед за ним и Сталин сознательно замолчали. Все их усилия – и в этом был фундамент советского – сосредоточились на том, чтобы ни под каким видом не допустить в России капитализм и, следовательно, трудовую частную собственность как основу деятельности, самостоятельности и свободы человека.

* * *

Хорошо известно, что В.И. Ленин был одним из наиболее способных и компетентных последователей Маркса и Энгельса, кто пошёл дальше всех в революционной практике по намеченному марксизмом пути. Однако если не принимать во внимание исключительно комплементарные по своему духу исследовательские работы о Ленине, относящиеся к советскому периоду, то с критических и, вместе с тем, научных позиций, его теоретическая и практическая деятельность рассмотрена крайне скудно, даже несмотря на то, что после распада СССР такая возможность появилась.

Конечно, исследователь-одиночка не может взять на себя смелость попытаться решить задачу сколько-нибудь объективного рассмотрения научных трудов и деятельности Ленина в полном объёме. Это требует усилий групп специалистов разного профиля и работ по многим направлениям. В том числе, исследовательской преемственности начинаемых научных исследований с исследованиями, выполненными ранее, корреляции с результатами, полученными в прошлом.

К сожалению, таковые результаты имеют не слишком глубокую историю. Как правило, они датируются концом 80-х – началом 90-х годов прошлого века, то есть начиная с периода «перестройки», когда были открыты многие архивы, а гласность позволила учёным вести корректные исследования и называть вещи своими именами. В этом отношении, одним из таких обоснованных и достаточно объективных научных результатов, следует признать работы

О.Р. Лациса, доктора экономических наук, в перестройку первого заместителя главного партийного теоретического журнала «Коммунист». В применении к теме ленинизма его позиция, характерная для большинства учёных, состояла в следующем: «Ленинские идеи, социализм – это одно, а сталинщина – это другое» [Лацис 1990: 5]. Насколько его идеи, как и идеи других достойных уважения компетентных исследователей объективно отражали ленинизм предлагается обсудить в дальнейшем.

Анализ ленинизма и сталинизма требуется и в связи с реальным фактом их приятия многими индивидами и социальными группами потому это явление требует отдельного рассмотрения. Оставляя за скобками тех, кто был вовлечён в орбиту функционирования ленинской и сталинской власти, а также тех, кто имел от неё прямые или косвенные дивиденды, в отношении прочих верным, на мой взгляд, будет объяснение следующее. С момента укоренения, власть должна была решать проблему создания поддерживающих её социальных слоёв. Естественно, это были слои в прошлом так называемых неимущих⁷, которые не только не имели в добольшевицком проблем перспектив развития, но имели лишь тяготы и страдания. Это были прежде всего те, кого Андрей Платонов в «Чевенгуре» назвал «прочие». Чепурной, главный начальник Чевенгура ожидал увидеть «сплочённых героев будущего, а увидел людей, идущих не поступью, а своим шагом, увидел нигде не встречавшихся ему товарищей – людей без выдающейся классовой наружности и без революционного достоинства, – это были какие-то безымянные прочие, живущие без всякого значения, без гордости и отдельно от приближающегося всемирного торжества; даже возраст прочих был неуловим – одно было видно, что они – бедные, имеющие лишь произвольно выросшее тело и чужие всем; оттого прочие шли тесным отрядом и глядели больше друг на друга, чем на Чевенгур и на его партийный авангард» [Платонов 2011: 281–282].

Все перспективы «новых» людей – от надежд до реальных возможностей – были связаны с большевистской властью. Именно на них она возлагала свои главные надежды, для них создавала не только пропагандистски подаваемые, но и реальные возможности материального и духовного развития. В ответ, кроме естественной благодарности, она получала и многократно увеличенный накал энтузиазма. Для этих социальных слоёв первостепенно значимыми были отсутствие безработицы, возможность получения образования, определённого медицинского обслуживания, известной социальной мобильности, в том числе и продвижения по карьерной лестнице. Для этих социальных слоёв вошедшие в состав СССР республики были общим домом, население которого было лишено реальной памяти о не столь отдалённом прошлом. Появившаяся в 1938 году «История ВКПб. Краткий курс» была новой исторической памятью, поскольку любая другая память была невозможна, том числе и по причине физической ликвидации её носителей. Партийная пропаганда была дополнена пропагандой художественной – литературной и, в особенности, экранной. Наряду с «Как закалялась сталь» Н. Островского, кино наполняло сознание образами не только посредственных, но и талантливых кинолент А. Довженко и С. Эйзенштейна. Для нового социального слоя, по крайней мере в пространстве реальной гласности, не существовало ни гражданской войны, ни коллективизации с их ужасами. А к реальному историческому, передаваемому от поколения к поколению социальному чувству покорности была добавлена безграничная вера в идеи марксизма-ленинизма-сталинизма, сопровождавшаяся ни на секунду не прекращающейся партийной пропагандой под неусыпным контролем политической полиции. Эти социальные слои и были главной реальной опорой новой власти.

Что же до моей позиции в отношении ленинизма как практического реализатора большевистской интерпретации марксизма, то она такова. В период с середины 1917 года – времени написания работы «Государство и революция» и до марта 1921 года – принятия

⁷ В «Чевенгуре» Андрей Платонов вводит в роман категорию так называемых «прочих» – людей изначально безродных, лишённых не только собственности и, значит, связанных с ней свободы и ответственности, но и самих понятий о таковых [подробнее см.: Неретина, Никольский, Порус 2019].

НЭПа Ленин был автором и главным организатором попытки утверждения в России социализма, минуя стадию капиталистического развития. Начиная от захвата власти в октябре и включая летнее поражение в результате польской компании 1920 года, которая была организована с целью продвинуть мировую революцию за пределы России в Европу, все свои силы он направлял на реализацию замысла быстрого учреждения коммунизма в нашей стране посредством создания «государства – коммуны». «Надо, – формулировал замысел Ленин, – чтобы все работали по одному общему плану на общей земле, на общих фабриках и заводах и по общему распорядку. Легко ли это сделать? Вы видите, что тут нельзя добиться решения так же легко, как прогнать царя, помещиков и капиталистов. Тут надо, чтобы пролетариат перевоспитал, переучил всех крестьян, перетянул тех, которые являются крестьянами трудящимися, чтобы уничтожить сопротивление тех крестьян, которые являются богачами и наживаются на счёт нужды остальных» [Ленин 1963: 310–311].

Политика «военного коммунизма», проводившаяся в 1918–1921 годах была многоставной. Она включала в себя следующие составные элементы: монополизацию власти – устранение всех не согласных с большевиками партий и политических сил; уничтожение всех социальных слоёв и групп, разделяющих иное, некоммунистическое мировоззрение, включая религиозные верования, обладающих частной собственностью или «заражённых» контактами с собственниками; усилия по превращению буржуазной революции в социалистическую устранением созданных Октябрём Советов, их заменой Комитетами деревенской бедноты, а также посредством распространения революции из города в деревню, из крупных центров в малые городские поселения; попытку перенаправления активности крестьян и вернувшихся с фронта солдат с «чёрного передела» – захватов помещичьих земель на создание крупных коллективных агропредприятий на основе государственной собственности на землю; разрушение имевшейся в стране кооперации всех видов – главного самоуправляемого конкурента большевиков в деревне; ликвидацию рынка и денежного обращения и создания в городах и деревнях «государственных кооперативов» с целью планового производства и распределения всех товаров; сопротивление иностранной военной интервенции и разгром «белого» и «зелёного» движений; теоретическую и организационную закладку основ для воспитания коммунистической молодёжи и «нового человека»; создание организованных форм принудительного перевоспитания трудом – от заключения в лагеря для перевоспитания до участия в «трудовых армиях».

Убедившись, что политика «военного коммунизма» провалилась и ведёт к потере большевиками власти, Ленин решил «сделать верёвку посвободней», «отпустить подлиннее», «не разрывая совсем» – ввести на ограниченный период НЭП. С марта 1921 и до весны 1923 года, когда он потерял способность говорить, он делал попытки развить новый курс. Однако ни вековая традиция российского самодержавного типа власти, ни реальный состав партии в это время не позволил эту идею реализовать. Органичным был замысел «временного отступления» и новых усилий по коммунистическому преобразованию общества и созданию «нового» человека. Фигура Сталина – хитрого политика, умелого организатора и прирождённого диктатора была для этого идеальной фигурой. В СССР началась эпоха сталинизма.

* * *

В дальнейших исследованиях советского следует рассмотреть его реальные исторические проявления – «военный коммунизма», НЭП, коллективизацию, репрессии, ГУЛАГ и Большой террор, разгром высшего командного состава Красной армии накануне Второй мировой войны, Великую Отечественную войну, послевоенный сталинизм 1946–1953 годов, создание «социалистического лагеря» в Восточной Европе, хрущевскую власть и «оттепель», рестаилинизацию и «развитой социализм», «перестройку» как попытку утверждения социализма «с человеческим лицом», попытку возврата номенклатурной власти и ГКЧП, ельцинское разрушение СССР, постсоветский период, начиная с 2000 года.

Отдельного внимания заслуживает феномен приятия советского значительной частью населения СССР (о чем, кстати, свидетельствовали результаты референдума о его сохранении, проведенного 17 марта 1991 года. В нем приняло участие 80 процентов населения страны, при этом 76,4 процента выступили за его сохранение). И если снизить цифру на несколько пунктов в связи с необдуманными, автоматическими ответами, то все равно она остаётся достаточно внушительной.

* * *

Изложенные в статье идеи будут обсуждаться в намеченной на 26 октября сего года XX ежегодной конференции Института философии РАН с регионами России «Проблемы российского самосознания: Ленинизм–сталинизм в преобразовании общества, государства и человека. К 100-летиям кончины Ленина и начала правления Сталина».

Биллингтон Дж. 2001. *Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры*. – М.: Издательство «Рудомино». – 879 с.

Бунин И.А. 1991. *Окаянные дни*. – М.: Молодая гвардия. – 333 с.

Гоголь Н.В. 1847. *Выбранные места из переписки с друзьями*. – «Public Domain». – Доступно: <https://www.litres.ru/nikolay-gogol/vybrannye-mesta-iz-perepiski-s-druzyami/>. – Проверено: 14.05.2023.

Горький А.М. 1970. *Полное собрание сочинений. Художественные произведения: в 25 т. Т. 5*. – М.: Наука. – 564 с.

Гудков Л.Д. 2022. *Возвратный тоталитаризм. Т. 1*. – М.: Новое литературное обозрение. – 816 с.

Достоевский Ф.М. 1975. *Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Т. 12*. – Л.: Наука. – 373 с.

Зиновьев А.А. 2018. *На коне, танке и штурмовике. Записки воина-философа*. – М.: Родина. – 238 с.

Зинченко В.П. 2020. *Духовное возрождение. – Человек. – Т. 31. – № 2. – С. 12–26*.

Коллективизация в СССР... 2022. *Коллективизация в СССР. – Википедия*. – Доступно: https://ru.wikipedia.org/wiki/Коллективизация_в_СССР. – Проверено: 22.04.2023.

Лапин Н.И. 1968. *Молодой Маркс*. – М.: Политиздат. – 376 с.

Лацис О.Р. 1990. *Перелом: Опыт прочтения несекретных документов*. – М.: Политиздат. – 397 с.

Ленин В.И. 1961. *Полное собрание сочинений. Т. 26*. – М.: Издательство политической литературы. – 590 с.

Ленин В.И. 1963. *Полное собрание сочинений. Т. 41*. – М.: Издательство политической литературы. – 695 с.

Маркс К., Энгельс Ф. 1955. *Сочинения: в 30 т. Т. 4*. – М.: Издательство политической литературы. – 615 с.

Маркс К., Энгельс Ф. 1961. *Сочинения: в 30 т. Т. 18*. – М.: Издательство политической литературы. – 807 с.

Маркс К., Энгельс Ф. 1974. *Сочинения: в 30 т. Т. 42*. – М.: Издательство политической литературы. – 535 с.

Миллер А.И. 2010. *Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования*. – М.: Новое литературное обозрение. – 316 с.

Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. 2000. *Норма веры как норма жизни. – Независимая Газета*. – Доступно: https://www.ng.ru/ideas/2000-02-16/8_norma.html. – Проверено: 20.04.2023.

Неретина С.С., Никольский С.А., Порус В.Н. 2019. *Философская антропология Андрея Платонова*. – М.: Институт философии РАН. – 236 с.

Никольский С.А. 2020. Художественная философия. О методологии исследования. – *Философские науки*. – Т. 63. – № 3. – С. 24–55.

Никольский С.А. 2021. Темпоральные экзистенциальные смыслы героев Достоевского и их большевистская реинкарнация. – *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. – Т. 5. – № 3. – С. 32–55.

Платонов А. 2011. *Чевенгур. Котлован*. Собр. соч. Т. 3. – М.: Время. – 604 с.

Померанц Г.С. 1984. Акафист пошлости. – *Синтаксис*. – № 12. – С. 4–54.

Померанц Г.С. 2012. *Записки гадкого утёнка*. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив. – 464 с.

Правила жизни Андрея Сахарова. – *Arzamas*. – Доступно: <https://arzamas.academy/materials/2205>. – Проверено: 14.05.2023.

Тульчинский Г.Л. 2017. Осмысление российских модернизационных инверсий: от А. Ахиезера к С. Хедлунду. – *Россия 1917–2017: Европейская модернизация или особый путь?* – СПб.: Леонтьевский центр. – С. 69–90.

Тульчинский Г.Л. 2019. *Феноменология зла и метафизика свободы*. – СПб.: Алетейя. – 484 с.

Хафнер С. 2016. *История одного немца. Частый человек против тысячелетнего рейха*. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха. – 448 с.